

Экспрессивные синтаксические конструкции в повести И.А. Бунина «Митина любовь»

В статье рассматриваются синтаксические средства репрезентации темы любви в повести И.А. Бунина «Митина любовь» (синтаксический параллелизм, риторический вопрос, однородные члены предложения, обращения, система знаков препинания и т.д.).

Ключевые слова: текст; экспрессия; языковые средства; актуальное членение; синтаксические конструкции.

Elena B. Demidova, Yulia B. Martynenko

Expressive Syntactic Constructions in the Story "Mitina Lyubov" by I.A. Bunin.

The syntactic means of love theme representation such as syntactic parallelism, rhetorical question, homogeneous parts of the sentence, address nouns, punctuation marks system and others are considered in the article.

Key words: text; expression; language means; thematic-rhematic articulation; syntactic constructions.

За последние десятилетия возрос интерес исследователей к творчеству И.А. Бунина и к языку его произведений. Точность, образность, сила воображения, выразительная живописность, ритмичность прозы, тонкий психологизм – вот некоторые черты его творчества, которые своими корнями уходят в русскую классику. Для Бунина характерен как интерес к обыденной жизни, так и умение раскрыть ее трагизм. Безысходность и сложность действительности находят отражение в характерах персонажей, в описании чувств и отношений, которые могут закончиться трагедией.

Многие прозаические произведения Бунина похожи на стихотворения в прозе. Размышления героя о смысле жизни переплетаются в них с описаниями природы. Бунин пытается уловить вечные законы бытия.

Повесть «Митина любовь» (1925) литературные критики выделяли из всех произведений писателя, признавая ее важной вехой в длинном творческом пути писателя.

Уже из самого названия произведения видно, что основная его тема – любовь. Но, несмотря на то что к данной теме Бунин обращался в своем творчестве неоднократно, «Митина любовь» отличается от прочей любовной прозы писателя.

Концепция любви в повести трагедийна. По Бунину, мгновения любви становятся вершиной человеческой жизни.

Главный герой рассказа – Митя – натура достаточно чувствительная и глубоко переживающая все происходящее с ним. Именно в мучительных переживаниях героя И.А. Бунин раскрыл всепроникающую силу любви и ее непреодолимую власть над человеком.

Тема любви в повести определяет особенность композиции текста, обеспечивает единство и целостность его структуры, обуславливает отбор и использование языковых выразительных средств. К их числу относятся приемы, проявляющиеся на синтаксическом уровне текста. По словам В.В. Виноградова, «экспрессивно-выразительные функции синтаксических конструкций могут быть очень разнообразными» [Виноградов 1959: 250].

Важным элементом экспрессивного синтаксиса в повести является актуальное членение, оно позволяет более четко определить смысловые границы высказывания. Стилистическая функция таких высказываний в художественном произведении заключается в создании впечатления данности. Этот изобразительный прием, вовлекающий читателя в ход повествования, создает иллюзию сопричастности к совершающимся событиям. Новые явления, предметы вводятся в повествование таким образом, будто читатель с ними уже знаком, слышит их, видит,

Елена Борисовна Демидова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении

E-mail: lena2707@yandex.ru

Юлия Борисовна Мартыненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении

E-mail: yliam@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow State University of Education

1/1, Str. M. Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russian Federation

воспринимает. В качестве примеров можно выделить следующие тема-рематические конструкции:

Что до Митиной любви, то она теперь почти всецело выражалась только *в ревности*. И *ревность* эта была не простая, а какая-то, как ему казалось, особенная. И это было *нестерпимо*. Да *нестерпимо* было и самое чтение, вызывавшее рукоплескания.

Но то было *как во сне*. Как *во сне* было и все то, что было потом, — в детстве, отрочестве, в гимназические годы¹.

В продвижении содержания рема предыдущего высказывания становится темой последующего, т.е. все последующие темы имеют глубинную рематическую природу. В описательных контекстах таким образом открывается простор для воображения читателя, раздвигается панорама зрительных образов, создается открытый ассоциативный образный ряд, некоторая перспективность, незамкнутость изображаемого.

Одним из средств передачи духовных переживаний человека в прозе Бунина является эмоциональная окраска, получающая выражение в восклицательном предложении, которое занимает «определенное, установленное место в функциональной типологии — в статусе эмоционально отмеченного варианта повествовательных, побудительных или вопросительных предложений» [Лекант 2004: 75–76]. Восклицательное предложение, по определению А.М. Пешковского, употребляется в том случае, «если мы говорим для того, чтобы, сообщая свои мысли, в то же время выразить и чувства, овладевающие нами по поводу этих мыслей» [Пешковский 2001: 392]. Восклицательный характер предложения обусловлен его модальным содержанием, в частности, субъективно-модальными значениями. В сферу таких значений входят и «эмоционально-экспрессивные оттенки субъективного отношения к сообщаемому» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 303], например:

Вы, Митя, вообще рассуждаете о женщинах по Домострою. И из вас выйдет совершенный Отелло. *Вот уж никогда бы не влюбилась в вас и не пошла за вас замуж!*

— Ты любишь только мое тело, а не душу! — горько сказала однажды Катя.

Это нечаянное ты, которое так страшно напоминало и даже как будто опять

восстанавливало их близость и заливало сердце нестерпимой нежностью, — это было выше человеческих сил! А рядом с этим ты — это твердое заявление, что даже писать ей теперь бесполезно! О, да, да, он это знал; бесполезно! Все кончено и кончено навеки!

Восклицательные предложения обладают яркими стилистическими возможностями для передачи эмоционального состояния героев и описания событий. Восклицания создают своеобразие форм реализации авторской модальности в тексте произведения: выражение синтаксическими средствами семантики эмоциональности, субъективно-модальных значений; взаимодействие лирической и иронической экспрессии. В повести «Митина любовь» восклицательные предложения насыщают текст эмоциями, помогают читателю понять характер героев, их эмоциональное состояние и поступки.

Риторические вопросы, являясь средством художественной выразительности, акцентируют внимание читателя на проблеме. Эти предложения, вопросительные по структуре, подобно повествовательному предложению, передают сообщение о чем-либо.

Сообщение в риторическом вопросе, как правило, связано с выражением различных эмоционально-экспрессивных значений: сомнения, внутреннего протеста и т.п., например:

В книгах и в жизни все как будто раз и навсегда условились говорить или только о какой-то почти бесплотной любви, или только о том, что называется страстью, чувственностью. Его же любовь была непохожа ни на то, ни на другое. *Что испытывал он к ней? То, что называется любовью, или то, что называется страстью? Душа Кати или тело доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертного блаженства, когда он расстегивал ее кофточку и целовал ее грудь, райски прелестную и девственную, раскрытую с какой-то душу потрясающей покорностью, бесстыдностью чистой и невинности?*

Вопросительные предложения в повести «Митина любовь» участвуют в создании стилистического эффекта диалогичности речи, придают содержанию текста экспрессивность и эмоциональность. Риторические вопросы используются в художественном стиле для создания вопросно-ответной формы изложения. С помощью нее возникает иллюзия беседы с читателем, например:

Что это значит вообще — любить? Ответить на это было тем более невозможно, что ни в том,

¹ Здесь и далее текст цит. по: Бунин И.А. Митина любовь. — М., 2014.

что слышал Митя о любви, ни в том, что читал он о ней, не было ни одного точно определяющего ее слова.

Он совершенно замучил себя и Катю, и мука эта была тем нестерпимее, что как будто и не было никаких причин для нее: *что в самом деле случилось, в чем виновата Катя.*

В риторическом вопросе всегда имеется противоречие между формой и содержанием. Противоречие формы и содержания у Бунина выражается на основе признака «утвердительность — отрицательность». Предложения, по форме отрицательные, передают утвердительное сообщение, а предложения с утвердительной формой имеют отрицательное значение:

Да, да, кто она, что она такое? А любовь, страсть, душа, тело? Это что такое? Ничего этого нет, — есть что-то другое, совсем другое! (отрицательное значение);

Вот этот запах перчатки — разве это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тело? (утвердительное значение).

У Бунина нередко рядом оказываются вопросительные и восклицательные предложения:

Но он не мог забыть, что чувствовал он на экзамене, и не мог сознаться, что эти чувства и теперь не оставили его. Чувствовала его тайные чувства и Катя и однажды, во время ссоры, воскликнула:

— Не понимаю, за что ты любишь меня, если, по-твоему, все так дурно во мне! И чего ты, наконец, хочешь от меня?

Опять мелькала ужасавшая уже третий день мысль: *«Что я делаю? Я с ума схожу!»* Он чувствовал себя лунатиком, покоренным чьей-то посторонней волей, все быстрее и быстрее идущим к какой-то роковой, но неотразимо влекущей пропасти.

Риторические вопросы в повести привлекают внимание к тому или иному предмету, явлению.

Экспрессивная окраска и функционально-стилевая закреплённость являются главными особенностями обращений, выделяющими их среди других стилистических средств. Для придания эмоциональности речи писатель использует в качестве обращения образные перифразы, например:

— Чистые вы дети, прости господи! А за все тем, любезный мой Вертер из Тамбова, все же пора бы понять, что Катя есть прежде всего типичнейшее женское естество и что сам полицеймейстер ничего с этим не поделает.

Кроме «семантической», мы извлекаем из произведения «эстетическую» информацию, поэтому в художественной речи важна форма обращения, его стилистическая окраска, место в высказывании. В повести «Митина любовь» обращения в основном становятся средствами организации речи, способствуют выражению авторского намерения. Обращения и слова, находящиеся при нем, с различных сторон характеризуют предмет, сообщают дополнительную информацию о нем, показывают отношение к нему, усиливают эмоциональность и образность высказывания, раскрывают внутренний мир героев. В отдельных случаях языковые средства художественной выразительности способствуют тому, что обращение не только создает эмоциональную окраску контекста, но и становится его центральным компонентом:

«Мой любимый, мой единственный!» — читал и перечитывал он — и земля плыла у него под ногами от этих восклицаний.

Синтаксический параллелизм, который «заключается в тождественности синтаксического строения двух или более смежных отрезков текста» [Русский язык. Энциклопедия 1998: 591], придает речи особую гармоничность. С помощью параллелизма автор стремится выделить, подчеркнуть высказанную мысль:

Новое и бессмысленное издевательство над своим собственным самолюбием? Новое и бессмысленное терзание себя жалкой надеждой?

В данном случае синтаксический параллелизм контактный — параллелизм смежных синтаксических конструкций. Встречается в повести и дистантный параллелизм, разделенный другими синтаксическими конструкциями:

Казалось, что вообще что-то стало отвлекать ее от него. Он не мог спокойно думать о директоре. Но что директор! *Казалось, что вообще* над Катиной любовью стали преобладать какие-то другие интересы.

Параллелизм способствует ритмизации речи и выполняет в тексте усилительно-выделительную функцию. Он может поддерживаться лексическим повтором, использованием слов одной лексико-семантической или тематической группы:

Он поднял глаза: над садом торжественно и радостно сияло небо, вокруг сиял сад своей снежной белизной, соловей, уже чуя предвечерний

холодок, четко и сильно, со всей сладостью соловьиного самозабвения, шелкал в свежей зелени дальних кустов — и кровь отлила от его лица, мурашки побежали по волосам...

В художественном тексте синтаксический параллелизм несет на себе значительную эмоционально-художественную нагрузку. Благодаря единообразию конструкций он служит фоном для эмфатического выделения наиболее важного и нужного отрезка высказывания.

Средствами создания лирической экспрессии в повести выступают типичные для прозы И.А. Бунина повторы, в том числе анафорические построения. Единоначатие (или анафора) подчеркивает упорядоченность построения высказывания, придает остроту и выразительность, выделяя известные моменты подобно ведущему мотиву в произведении:

Она имела большой успех. *Она* была во всем белом, как невеста, и волнение делало ее прелестной.

Единоначатие у Бунина может сопровождаться появлением союзов. Благодаря анафоре автор может организовать минимальные содержательные фрагменты в смысловые блоки. В произведении этот стилистический прием используется с целью усиления эмоционально-торжественного, возвышенного тона, смыслового и логического выделения наиболее важных мыслей, объединения в одно целое различных по строению и синтаксическому уровню конструкций.

Одним из средств распространения предложения являются ряды однородных членов, роль которых в тексте может быть рассмотрена как возможный параметр стиля писателя. В художественном произведении они используются не только для нейтрального перечисления понятий, признаков, предметов, явлений. Главное их назначение — прямо или косвенно выразить отношение автора к предмету повествования, а также воздействовать на читателя, воспринимающего текст:

И так же воспринимал он и все окружающее, — *дома, улицы, идущих и едущих по ним, погоду*, все время по-весеннему хмурившуюся, *запах пыли и дождя, церковный запах тополей*, распустившихся за заборами в переулках: все говорило *о горести разлуки и о сладости надежды на лето, на встречу в Крыму...*

Однородные члены предложения принимают непосредственное участие в текстообразовании, помогают понять поступки и действия героев, дать им оценку, увидеть предмет или явление с разных сторон. Бунин использует разные виды синтаксической связи со значением перечисления, чтобы указать на важные детали, заострить на них внимание читателей.

При употреблении однородных членов предложения часто встречается многосоюзие, т.е. намеренное повторение сочинительных союзов для интонационного и логического выделения перечисляемых понятий:

Ведь все уже было испробовано, все написано: *и* неистовые уверения в своей любви, такой, какой еще не бывало на земле, *и* унижительные мольбы о ее любви или хотя бы о «дружбе», *и* бессовестные выдумки, что он болен, что он пишет, лежа в постели, — с целью вызвать к себе хоть жалость, хоть какое-нибудь внимание, — *и* даже угрожающие намеки на то, что ему останется, кажется, одно: избавить Катю и своих «более счастливых соперников» от своего присутствия на земле.

Однородные члены предложения могут быть выстроены по принципу восходящей или нисходящей градации:

Дождь шумел повсюду — *и по крыше, и вокруг дома, и в саду.*

Недели две он лежал и только в окно видел каждый день меняющиеся вместе с увеличением в мире тепла и света *небеса, снег, сад, его стволы и ветви.*

Бунин как бы пишет поэму молодости и весны, образно богатую, яркую, и без всяких пояснений, без указаний, где смысл, где мораль, где главная идея повести. Предметом описания у него являются мельчайшие ощущения, запахи, детали жизни. Эти подробности образуют не столько фон повествования, сколько передают главное — поэтику душевного томления главного героя.

Особое место среди фигур поэтического синтаксиса Бунина занимает умолчание, т.е. сознательная недоговоренность, незавершенность предложения. Повествователь как бы дает возможность читателю задуматься и самому продолжить мысль:

Он не знал, за что любил, не мог точно сказать, чего хотел...

После пошли теплые туманы, дожди, снег распустило и съело в несколько суток, тронулась река, стала радостно и ново чернеть, обнажаться и в саду и на дворе земля...

Многоточия выявляют определенный подтекст, передают различные эмоциональные состояния героя: волнение, желание скрыть любовь и др. В повести «Митина любовь» встречаются целые абзацы с многоточием:

Тогда был как бы еще канун весны. Он сидел с книгой возле открытого окна гостиной, глядел меж стволов пихт и сосен в палисаднике на грязную речку в лугах, на деревню на косого-рах за речкой: еще с утра до вечера, неустанно, изнемогая от блаженной хлопотливости, так, как орут они только ранней весной, орали грачи в голых вековых березах в соседнем помещичьем саду, и еще дик, сер был вид деревни на косого-рах, и только еще одни лозины покрывались там желтоватой зеленью... Он шел в сад: и сад был еще низок и гол, прозрачен, — только зеленели поляны, все испещренные мелкими бирюзовыми цветочками, да опушился акатник вдоль аллей и бледно белел, мелко цвел один вишеник в ложине, в южной, нижней части сада... Он выходил в поле: еще пусто, серо было в поле, еще щеткой торчало жнивье, еще колчеваты и фиолетовы были высохшие полевые дороги...

Подобные смысловые обрывы, лакуны, незавершенность синтаксических конструкций допускают интерпретации, создают особый эстетический эффект и многозначность, вызывают интерес у читателя, вовлекают его в сотворчество с автором.

Таким образом, весь синтаксический строй повести И.А. Бунина «Митина любовь» обусловлен темой и идеей произведения. Поэтичность как особенность языка И.А. Бунина проявляется в синтаксическом строе повести. Необычайная субъективность, эмоциональная насыщенность, выраженная в высокой частотности риторических, авторских медитативных вопросов и восклицаний, являются «речевыми сигналами» «стихотворности» прозы И.А. Бунина [Николина 1998: 56].

Писатель не спешит в повести давать четкие ответы на сложные вопросы, просто

описывает красоту весны, стремительность молодой души.

Ему удалось оставить миру свидетельство отмененной жизни — жизни в присутствии смерти — и поэтому особенно хрупкой и драгоценной.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунин И.А. Митина любовь. — М., 2014.
Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959.
Лекант П.А. Рациональный и эмоциональный аспекты русского предложения // Русский язык в школе. — 2004. — № 4. — С. 75–78.
Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990.
Николина Н.А. Новые формы художественной изобразительности (о приемах словопотребления в прозе И.А. Бунина) // Художественная речь: общее и индивидуальное: междисциплинарный сборник научных трудов. — Куйбышев, 1988. — С. 50–60.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 2001.
Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М., 1998.

REFERENCES

- Bunin I.A. Mitina lyubov', Moscow, 2014.
Vinogradov V.V. O yazyke khudozhestvennoy literatury, Moscow, 1959.
Lekant P.A. Ratsional'nyi i emotsional'nyi aspekty russkogo predlozheniya, in *Russkii yazyk v shkole*, No 4, 2004, pp. 75–78.
Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary), ed. V.N. Yartseva, Moscow, 1990.
Nikolina N.A. Novye formy khudozhestvennoi izobrazitel'nosti (o priemakh slovoupotrebleniya v proze I.A. Bunina), in *Khudozhestvennaya rech': obshchee i individual'noe*, Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov (Interacademic collection of research papers), Kuibyshev, 1988, pp. 50–60.
Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii, Moscow, 2001.
Russkii yazyk. Entsiklopediya (Russian language encyclopedia), ed. Yu.N. Karaulov, Moscow, 1998.